

A movie poster for 'The City of Fog'. The top half of the image is dominated by a massive, dark, billowing cloud that has taken the shape of a monstrous face. The face has glowing red eyes and a wide, jagged mouth filled with sharp teeth. Below the monster's face, the dense New York City skyline is visible, with the Empire State Building standing out prominently in the center. The overall atmosphere is dark and ominous.

Ominayashi

*Город
туманов*

Ominayashi

Город туманов

«Автор»

2026

Ominayashi

Город туманов / Ominayashi — «Автор», 2026

«Город Туманов» — философская фэнтези-повесть о силе любви и сострадания в мире, где туман управляет временем и чувствами. В загадочном городе, окутанном вечной дымкой, встречаются двое: Эмили, способная видеть тепло живых существ, и Джон, умеющий слышать чувства неодушевлённых предметов. Их попытка найти друг друга сталкивается с сопротивлением Шу — сущности, управляющей туманом и замораживающей человеческие эмоции. Помогая друг другу, Эмили и Джон раскрывают тайну города: туман не просто природное явление, а воплощение одиночества и страха. Объединив свои дары, они не побеждают Шу силой, а пробуждают в нём способность чувствовать через сострадание.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Город туманов

Город Туманов

Глава первая. В которой Эмили обнаруживает, что туман умеет думать

Утро в городе Туманов — это не утро, а скорее осторожное предложение: а что, если уже пора просыпаться? Солнце не появляется, оно только намекает на себя, расползаясь по небу бледным молочным светом, словно кто-то размешал в воздушном кувшине ложку сметаны и забыл её там. Туман в этот час бывает особенно нежен — он не душит, не давит, а как бы укутывает, шепчет: «Ну куда ты собрался? Полежи ещё. Куда спешить, если всё равно ничего не видно?»

Эмили не слушала туман. Она вообще давно перестала его слушать, хотя это было нелегко — туман здесь умел говорить, и говорил со всеми.

Она стояла у окна своей мансарды на улице Ткачей, в доме, который по странной привычке местного зодчего был построен чуть вкривь, будто дом задумался о чём-то посреди стройки и так и застыл в этой позе. Окно мансарды выходило на крыши соседних домов, но сейчас за стеклом не было видно ровным счётом ничего — только молочно-серая пелена, в которой тонули контуры труб, черепичных гребней и развешенного на верёвках белья. Впрочем, бельё в Городе Туманов высыхало примерно к никогда, и хозяйки давно перестали по этому поводу расстраиваться.

Эмили была высокой девушкой с тёмными волосами, которые она носила собранными в небрежный узел на затылке — не из элегантности, а из нежелания бороться с непослушными прядями. У неё были серые глаза — того самого оттенка, какой бывает у тумана на рассвете, если смотреть на него долго и без раздражения. Маленький шрам на левом запястье — след детской ссоры с кухонным ножом — и привычка разговаривать сама с собой, когда думала.

— Так, — сказала она стеклу. — Сегодня я его увижу. Точно увижу.

«Его» звали Джон. Он жил на другом конце города, на улице Фонарщиков, в доме, который стоял прямо, но слегка покосился в сторону — будто кланялся прохожим. Эмили знала это, потому что три дня назад, в единственный за полмесяца просвет в тумане, она видела Джона через площадь — он шёл мимо колодца с ведром воды, и ведро качалось в такт его шагам, и брызги из него летели в туман и повисали в воздухе, как стеклянные бусины.

Три дня. Она думала о нём три дня. Это было странно и немного стыдно, потому что Эмили была девушкой практичной и не склонной к романтическим увлечениям на расстоянии. Но что-то в том, как он шёл — спокойно, уверенно, не торопясь, будто туман был не преградой, а его собственным продолжением, — зацепило её каким-то очень глубоким крючком, который она не могла вытащить.

А потом туман снова сгустился, и Джон исчез.

Это вообще была особенность Города Туманов: туман здесь не просто скрывал — он разделял. Два человека могли жить на соседних улицах и не видаться месяцами. Могли идти в одну сторону и не встретиться, потому что туман переставлял улицы, как карточный шулер — карты. Могли стоять рядом и не знать об этом, потому что туман забирал звуки и подменял их своими — шёпотом, бульканьем, далёким звоном, который вроде бы был колокольчиком, а вроде бы — ничем.

Говорили, что туман не сам по себе. Говорили — шёпотом, потому что туман умел слушать, — что за ним стоит кто-то. Кто-то по имени Шу.

Эмили не верила в Шу. Она вообще не очень верила в то, чего не могла увидеть, а увидеть в этом городе удавалось немного. Но она чувствовала туман — не как погоду, а как присут-

ствие. Как будто кто-то очень большой и очень терпеливый стоит за стеной молочной пелены и смотрит. Не злобно, нет. Просто смотрит. И не хочет, чтобы кто-то к кому-то дошёл.

Она отошла от окна, села на кровать, закрыла глаза и сделала то, что умела делать лучше всего на свете.

Эмили умела видеть тепло.

Не в том смысле, в каком это звучит, — не инфракрасное зрение, не магия огня, не что-то из книжек про рыцарей и драконов. Нет. Она просто умела ощущать тепло живых существ сквозь любые преграды — сквозь стены, сквозь туман, сквозь землю. Как будто внутри неё был маленький, тёплый, живой компас, и стрелка его поворачивалась в сторону чужого тепла.

Обычно в тумане всё теплое казалось далёким и приглушённым, словно кто-то накрыл город толстым одеялом. Но сейчас, сосредоточившись, Эмили ощутила — далеко, на другом конце города, — ровное, спокойное, уверенное тепло. Джон. Она была уверена. Джон был тёплым, как остывающий хлеб, и это было так приятно, что она почти физически почувствовала, как улыбается.

— Вот ты где, — прошептала она.

И в этот момент туман за окном дрогнул, словно кто-то услышал.

Глава вторая. В которой Джон ведёт разговор с камнем и получает неожиданный ответ

Джон сидел в своей комнате на улице Фонарщиков и разговаривал с камнем.

Камень был обычный — серый, круглый, с белой прожилкой кварца. Джон нашёл его на берегу реки Мглы, которая текла через весь город и была, по всеобщему мнению, самой туманной рекой в мире: она не столько текла, сколько клубилась, и рыбаки вытаскивали из неё не рыбу, а клочья тумана, похожие на мокрую вату.

Камень лежал на столе, и Джон положил на него ладонь.

Джон умел чувствовать, что чувствуют предметы. Не живые существа — нет, с людьми было сложнее, их чувства были слишком быстрыми, слишком путанными, слишком похожими на туман. А вот предметы — те говорили с ним охотно. Камень, если его коснуться, мог рассказать, как лежал в земле три тысячи лет и что думал об этом. Дверь могла рассказать, сколько раз открывалась и закрывалась, и была ли счастлива. Стена помнила все руки, которые к ней прикасались.

Это была не магия в привычном смысле. Джон сам не знал, как это назвать. Он просто чувствовал, что у всего на свете есть тихая, незаметная жизнь, и если быть достаточно спокойным и достаточно терпеливым, эта жизнь начинала говорить.

Сейчас камень молчал. Это было тревожно, потому что камни вообще молчат редко — они лучшие рассказчики в мире, потому что им некуда спешить.

— Эй, — сказал Джон камню. — Что-то не так?

Камень шевельнулся под его ладонью. Не физически — он оставался лежать неподвижно, — но Джон почувствовал, как внутри камня что-то сдвинулось. Как будто камень повернул к нему свою внутреннюю сторону и сказал: «Мне холодно. Туман забирает тепло. Туман забирает всё. Скоро я забуду, что я — камень. Скоро я стану туманом.»

Джон убрал руку. Посмотрел на камень. Посмотрел на окно, за которым стояла непроницаемая серая стена.

Туман в последние дни стал гуще. Не просто гуще — агрессивнее, что ли. Он влезал в дома, забирался под двери, просачивался сквозь щели, оседал на вещах мелкой влагой. Кот Вениамин, который жил у Джона уже пять лет и считал себя полноправным хозяином квартиры, отказывался выходить из-под печи и шипел на туман, как на врага.

Джон подумал о девочке, которую видел три дня назад. Не «девочке» — она была взрослой, высокой, с серьёзными глазами. Она стояла на углу площади и смотрела в его сторону,

и в короткий просвет тумана их взгляды встретились, и Джон почувствовал — не ушами, не глазами, а чем-то более глубоким, — что она его видит. Не просто видит, а *замечает*. А это в Городе Туманов было редкостью, потому что туман усыплял внимание, убаюкивал любопытство, превращал людей в тех, кто идёт по улице, не глядя по сторонам, потому что по сторонам всё равно ничего нет.

Он хотел подойти к ней. Он даже сделал шаг. Но туман сомкнулся, и площадь исчезла, и остался только шёпот — или шорох, или звон, — и Джон обнаружил, что стоит посреди совершенно незнакомой улицы, и ведро в его руке наполовину пусто, и вода в нём тёплая и почему-то пахнет дымом.

Три дня он пытался найти ту площадь. Ходил по городу, трогал стены, спрашивал у камней и дверей: где девочка с серыми глазами? Стены молчали или ввали. Двери открывались не туда. Камни рассказывали о чём угодно — о древних морях, о вулканах, о времени, когда ещё не было людей, — но не о девочке.

А теперь камень сказал, что ему холодно. И что туман забирает тепло. И что скоро он забудет, кто он.

Джон встал, подошёл к окну, прижал ладонь к стеклу.

Стекло было ледяным. И оно сказала — едва слышно, словно извиняясь: «За тобой кто-то ищет. Далеко. Я чувствую. Но туман не пускает. Туман говорит, что вы не должны встретиться.»

— Кто это — «вы»? — спросил Джон.

Стекло не ответило. Оно уже сказала больше, чем должно было, и теперь смущённо замолчало, как человек, который сболтнул лишнего за ужином.

Джон стоял у окна и чувствовал, как где-то далеко, на другом конце города, кто-то тёплый и настойчивый ищет его. И он знал — не знал, а именно чувствовал, — что туман между ними не просто стоит. Он *работает*. Кто-то или что-то управляет им, как кукловод управляет марионеткой, натягивая и отпуская нити.

Джон подумал: «Если туман хочет, чтобы мы не встретились, значит, встретиться нам очень нужно.»

И в этот момент туман за окном вздрогнул, как человек, которого застали врасплох.

Глава третья. В которой появляются Тос и Ка, а заодно выясняется, что пакость — это искусство

Тос и Ка были троллями. Не большими, не страшными, не тех троллей, что живут под мостами и требуют пошлину. Нет, Тос и Ка были мелкими троллями — ростом по колено взрослому человеку, с лицами, похожими на мятые пирожки, и характером, который у нормальных людей встречается только при тяжёлом похмелье.

Тос был тощим, нервным и вечно голодным. Он носил на голове кастрюлю — не для защиты, а потому что в ней можно было носить всякую мелочь: гвозди, пуговицы, дохлых жуков, чьи-то чужие воспоминания (он собирал их на улице — в Городе Туманов воспоминания иногда выпадали из голов и лежали в канавах, как мокрые листья).

Ка был толстым, флегматичным и носил на голове блюдо. Почему блюдо — он и сам не помнил, но подозревал, что когда-то оно было чем-то вроде трофея. Ка считал себя интеллектуалом, потому что умел читать — медленно, по слогам, с ошибками, но всё же.

Оба они служили Шу.

«Служили» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Скорее, они при нем состояли. Шу не давал им приказов — он давал им настроение. Каждый раз, когда Шу хотел, чтобы в городе стало чуть хуже, он посылал волну — не звука, не света, а ощущения: тоскливого, липкого, как паутина, — и Тос с Ка просыпались и шли творить пакости.

Пакости у них были мелкие, но въедливые. Тос любил подменять запахи: хлеб в пекарне начинал пахнуть старыми носками, а розы в единственном саду на улице Садовников — кислой капустой. Ка предпочитал звуковые проказы: он умел подменять голоса — жена звала мужа, но муж слышал не её голос, а чужой, и шёл не туда, и находил не то. Дети звали матерей, и матери оборачивались на незнакомый голос, и не находили своих детей.

Мелко? Да. Но эффективно. Город, и так погружённый в туман, становился ещё более одиноким: люди переставали доверять своим ушам и носам, а когда туман забирал ещё и зрение, оставалось только сидеть дома и ждать.

Сейчас Тос и Ка сидели на парапете моста через реку Мглу и смотрели, как туман ползёт по воде, обнимая её, как давний любовник.

— Слышал? — спросил Тос, нервно поправляя кастрюлю. — Шу-то наш проснулся. Чувствуешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.